

A romantic couple is shown in a close embrace, nearly kissing, in a golden field under a clear sky. The woman has blonde hair and wears a colorful floral dress, while the man has dark hair and wears a plaid shirt. The overall mood is warm and nostalgic.

Марго
Ромашка

Клубничное лето

Марго Ромашка
Клубничное лето

«Автор»

2026

Ромашка М.

Клубничное лето / М. Ромашка — «Автор», 2026

Григорий – столичный ветеринар, начинающий писатель и человек, который понятия не имеет, как разговаривать с коровами. Он приезжает в колхоз «Светлый путь» за вдохновением для книги, а находит курицу-камикадзе, собаку-санитара, ревнивого механизатора с кулаками размером с гири и – самое страшное – Веру. Вера – зоотехник с характером разъярённой осы, светлыми локонами и тайной, которую она ищет уже много лет. Она умеет успокоить любую корову, но совершенно не умеет терпеть самоуверенных городских пижонов. Их первая встреча заканчивается куриным переполохом. Вторая – чуть не заканчивается коровьим копытом. Третья – ведром навоза. Но лето в колхозе длинное, а телёнок с белым пятном в форме сердечка на лбу, кажется, знает о людях что-то такое, чего они сами о себе ещё не поняли.

© Ромашка М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Приземление	5
Глава 2. Копыто и характер	8
Глава 3. Нервы	11
Глава 4. Тишина и марки	13
Глава 5. Перемирие	15
Глава 6. Разговор под орехом	17
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Марго Ромашка

Клубничное лето

Глава 1. Приземление

Июньская Москва задыхалась от духоты. В аудитории пахло старой бумагой и пылью, но даже здесь, в тени толстых стен сталинского корпуса, не было спасения от полуденного зноя. Григорий ослабил узел галстука и с тоской посмотрел на запылённое окно, за которым дрожал раскалённый асфальт.

Профессор Верейский, грузный мужчина с седыми, вечно взъерошенными бровями, говорил уже десять минут, и с каждой секундой интонация его становилась всё более просительной.

– Пойми, Гриша, там беда, – профессор подвинул к нему через стол какую-то замусоленную сводку. – Коровы падают. Представляешь? Падежа пока нет, но молодняк хиреет на глазах. Фельдшер местный, бабка Пелагея, кроме ромашкового отвара ничего предложить не может. А колхоз-то образцовый, стыдно.

Гриша взял бумагу, пробежал глазами по сухим цифрам. «Привесы снижены... Анализы отсутствуют...» Тоска. Он пять лет как выпустился из академии, держал связь с кафедрой скорее по привычке, чем по необходимости. Писательство – вот что занимало его мысли. Но рукопись, его роман о людях земли, лежала мёртвым грузом – текст был правильным, но пресным, будто снятое молоко. Не хватало жизни, настоящей, густой правды.

– Я ветеринарный врач, Семён Аркадьевич, не зоотехник, – лениво протянул Григорий, хотя в душе уже всё решил. – И у меня работа в городе.

– Какая работа? – фыркнул профессор. – Ты же в стол пишешь, я знаю. А тут тебе готовый материал. Колхоз «Светлый путь», места там красивейшие, озеро, лес. И воздух! Что ты киснешь в Москве? Поезжай на месяц. Разберёшься с коровами, надышишься, глядишь – и книга твоя оживёт. У меня там друг старинный, Афанасьевич, приютит. Он мужик с понятием, не помешает.

Гриша усмехнулся. Старый лис Верейский знал, на что давить. Книга была его мечтой и его болью.

– Хорошо, – он хлопнул ладонью по столу, заглушая гул пролетающей за окном «Победы». – Чёрт с ним. Уговорю завождем. Но если меня там заедят комары, вернусь и буду писать про пустыню.

Профессор радостно закивал, вытирая платком потную шею. Он что-то ещё говорил о том, что Григорию выделяют новенькие «Жигули» от института, но тот уже не слушал. В голове, вытесняя душный городской шум, уже шелестела листва и мычало стадо.

Дорога оказалась испытанием. Серая лента асфальта плавилась под колёсами машины. В салоне, несмотря на открытые окна, стоял тяжёлый, сладковатый запах бензина вперемешку с горячей пылью. Григорий чувствовал, как его светлая клетчатая рубашка намертво прилипла к спине, а русые волосы, обычно аккуратно зачёсанные назад, сбились в мокрую чёлку.

Он проехал нужный поворот минут двадцать назад, но осознал это, только когда дорога превратилась в ухабистую колею, а указатели исчезли. Вокруг, насколько хватало глаз, колосилась рожь, и ни одной живой души.

Выругавшись сквозь зубы, Гриша свернул к видневшимся вдалеке деревянным домикам. Деревня казалась вымершей – обеденное солнце загнало всех в тень. Он остановил машину у покосившегося забора первого попавшегося дома, надеясь найти хоть кого-нибудь.

За воротами, на утопанной земле двора, сидела на корточках девушка. Гриша сразу отметил, что она чужда этому месту. Не деревенская простушка, нет. Пышное светлое облако волос, уложенных крупными локонами, было элегантно, а яркий летний сарафан с алыми макаками на ткани сидел на точеной фигуре как влитой. Она была полностью поглощена своим занятием: крепко держала за лапу упитанную рыжую курицу и пыталась отцепить от неё клубок репейника. Тонкие брови были нахмурены, а на пухлых губах застыло выражение крайней сосредоточенности.

– Девушка, простите! – громко окликнул её Григорий, вылезая из машины и опираясь на горячую дверцу. – Не подскажите, как проехать к дому Афанасьевича? Говорят, он здесь где-то... судя по карте, я не туда забрал.

Он не успел договорить. Курица, испугавшись резкого мужского голоса, истошно заорала и, вывернувшись из девичьих рук, рванула вверх. Гриша увидел лишь мелькание рыжих перьев, почувствовал глухой и довольно болезненный удар в солнечное сплетение, от которого перехватило дыхание, и услышал треск ткани. Птица, спасаясь бегством, влетела прямо в него, оцарапав шею когтистой лапой, и кубарем покатилась в придорожную пыль, оглашая окрестности воплями.

Григорий, от неожиданности, покачнулся и инстинктивно схватился за живот, чувствуя, как разошлась по шву его лёгкая рубашка. Он растерянно смотрел на девушку, которая медленно поднималась с корточек, отряхивая руки. Лицо её, с мягкими, классическими чертами, не выражало ни испуга, ни смущения, лишь холодную, почти презрительную досаду.

– Ну вот, – голос у неё оказался звонким и совсем не ласковым, – напугал птицу. И кто теперь репей отдирает будет? Пушкин?

Гриша понял, что мечты о тихом вдохновении разбились об этот взгляд, как курица о его пресс. Кажется, приземление вышло жёстким.

Глава 2. Копыто и характер

Утренний инцидент с курицей оставил после себя не только испорченную рубашку, но и стойкое ощущение неловкости. Григорий переоделся в чистую, простую футболку, но чувство досады, смешанное с любопытством, никак не выветривалось. Кто эта девушка с локонами, как у кинозвезды, и характером разъярённой осы? Афанасьевич, сухонький дед с хитрым прищуром, на расспросы лишь неопределённо махнул рукой: «Внучка соседская. Ты, Гриша, к ней не лезь – у неё слово, что штык, заколет».

На ферму Григорий шёл с твёрдым намерением реабилитироваться хотя бы в своих глазах. Перед коровами он точно не оплошает.

В длинном кирпичном коровнике царил влажный полумрак и густой запах навоза вперемешку с парным молоком. Гулкое мычание разносилось под низкими сводами, а доярки в белых косынках с любопытством поглядывали на столичного гостя. Григорий с умным видом раскрыл саквояж, извлёк стетоскоп и уверенно шагнул к ближайшему стойлу, где стояла крупная, чёрно-пёстрая корова с влажными, настороженными глазами.

– Хорошая, хорошая, – машинально пробормотал он, потянувшись к её животу. – Давай-ка посмотрим...

Движение он уловил боковым зрением. Корова, не издав ни звука, резко подалась вбок и вздёргнула заднюю ногу. Тяжёлое копыто, способное сломать кость, уже занеслось для удара, когда стальная хватка сомкнулась на его запястье и рванула назад с такой силой, что Гриша впечатался спиной в деревянную перегородку, преобольно ударившись лопатками.

– Вы с ума сошли? – услышал он знакомый, звенящий от гнева голос.

Перед ним, всё ещё сжимая его руку чуть выше локтя, стояла та самая девушка. Сегодня её пышные светлые волосы были небрежно схвачены на затылке косынкой, но несколько крупных локонов выбились наружу и прилипли к влажной шее. Вместо нарядного сарафана на ней был простой халат и заляпанный зеленью фартук, но даже эта одежда не могла скрыть горделивой осанки и мягких, точёных линий фигуры. Она отпустила его руку так резко, словно обожглась.

– Кто же так к коровам нахально лезет? – продолжала она, сверкая глазами. – Это вам не московский троллейбус, где можно плечом растолкать. Это Зорька, она чужих за три метра чувствует. А вы сразу с ручищами в брюхо.

Григорий потирал ушибленный локоть. Она была одновременно пугающе права и до невозможности раздражающа.

– Я между прочим дипломированный специалист, – процедил он, пытаясь вернуть самообладание. – И знаю, как обращаться с животными.

– Да? – она иронично приподняла тонкую бровь. – А мне показалось, что вы утром даже с курицей не справились.

Она повернулась к стойлу. Зорька, только что готовая сокрушить чужака, смотрела на неё кротко и почти виновато. Девушка мягко, но уверенно положила ладонь на широкий лоб коровы.

– Ну, тихо, тихо, хорошая моя, – голос её вдруг стал низким и удивительно ласковым, он лился, как тёплое молоко. – Застоялась, да? Сейчас выпустим. Не обидит тебя этот городской, я рядом.

Корова шумно выдохнула, ткнулась мордой ей в плечо, и грозное копыто мирно опустилось на соломенную подстилку. Гриша стоял, как громом поражённый.

– Вы... работаете здесь? – спросил он, чувствуя, как любопытство окончательно пересиливает раздражение. – В смысле, на ферме? Мне профессор говорил про бабку Пелагею.

Девушка выпрямилась и, поправив выбившийся из-под косынки локон, смерила его тем самым взглядом, от которого хотелось то ли провалиться сквозь землю, то ли немедленно доказать, что ты чего-то стоишь.

– Я Вера, – коротко бросила она, словно это всё объясняло. – Зоотехник. Прислали по распределению месяц назад из Вологодского техникума. И бабка Пелагея – это моя непосредственная начальница, а не «бабка». Так что теперь мы с вами будем работать вместе.

Она развернулась и пошла по проходу, ловко огибая лепёшки навоза. В каждом её движении сквозила такая непробиваемая уверенность, что у Гриши зачесались кулаки.

– И запомните, товарищ столичный спец, – бросила она через плечо, не оборачиваясь. – С коровой нужно сначала поговорить.

Григорий остался стоять в полумраке коровника, ощущая, как адреналин смешивается с совершенно неуместным восхищением.

Гриша

*вдохновение писателя
способно родить
любовь...*

*Хобби:
писательство,
спорить с Верой*

*Любимая еда:
борщ
и мороженое*

*Кажется,
неприятности
находят его
всегда...*

*Случайно
влюбился
в Веру*

*У него
вечно
ломаются
жигули...*

Глава 3. Нервы

К вечеру третьего дня Григорий был готов признать поражение. Не перед работой – с анализами и осмотрами он справлялся блестяще. Перед Верой.

Она умудрялась появляться именно в те моменты, когда он, казалось, делал всё правильно. Стоило ему взять пробу молока – она тут как тут, с замечанием, что пробирка недостаточно стерильна. Стоило ему начать заполнять журнал – она заглядывала через плечо и цокала языком, мол, почерк врачебный, никто не разберёт. И всё это с той самой полуулыбкой, от которой у него сводило скулы.

Чаша терпения переполнилась в пятницу.

Григорий стоял у загона с молодняком, пытаясь загнать особенно норовистую тёлку в станок для осмотра. Тёлка, чуя городского человека за версту, упиралась всеми четырьмя копытами и издавала трубный рёв. Григорий вспотел, рубашка снова прилипла к спине, а тщательно уложенные с утра волосы растрепались и свисали на лоб жалкими прядями.

– Да стой ты, скотина упрямая! – рыкнул он, хватая тёлку за ошейник.

– Она не скотина, она Марта, – раздался за спиной ледяной голос.

Вера стояла, скрестив руки на груди. Сегодня она была в голубом ситцевом платье в белый горошек, волосы собраны в высокую причёску, открывающую изящную шею. Выглядела она так, словно сошла с обложки журнала «Крестьянка», а не собиралась лезть в навоз.

– Мне всё равно, как её зовут, – процедил Григорий. – Она не даётся на осмотр.

– Может, потому что вы на неё орёте, как на пожаре? – Вера шагнула ближе. – С ней ласково надо. Вот смотрите.

Она протянула руку к тёлке и что-то тихо зашептала. Марта, ещё секунду назад готовая протаранить забор, вдруг затихла и доверчиво ткнулась носом в ладонь.

Григорий почувствовал, как внутри закипает ярость. Не от того, что у неё получилось. А от того, как она на него посмотрела – снисходительно, будто на несмышлёного мальчишку.

– Знаете что, Вера... – начал он, стараясь держать голос ровным.

– Ой, по имени-отчеству меня назовите, – фыркнула она. – Вера Павловна. Или товарищ зоотехник. А то мы с вами пока не на брудершафт пили.

Это стало последней каплей. Григорий резко отпустил ошейник. Марта, почуввав свободу, радостно лягнула задними ногами и понеслась в другой конец загона, подняв тучу пыли и соломы.

– Вот! – Вера всплеснула руками. – Вот что вы наделали! Полчаса её успокаивала!

– А не надо было меня отвлекать! – рявкнул Григорий.

– Я отвлекаю?! – она шагнула к нему, глаза метали молнии. – Да если бы не я, вас бы тут в первый же день копытом по лбу перекрестили! Вы же элементарных вещей не знаете!

– Я не знаю?! – он тоже подался вперёд. Теперь они стояли почти вплотную. – Это вы, Вера Павловна, понятия не имеете о ветеринарной науке! Лечите тут всех приговорками да поглаживаниями! А у Зорьки, между прочим, мастит начинается, и ваши нежности ей не помогут!

– Какой мастит?! – ахнула Вера. – Я её вчера смотрела!

– Плохо смотрели! – отрезал Григорий. – Потому что вы не специалист, а выскочка!

Повисла тишина. Даже коровы, кажется, притихли в своих стойлах, наблюдая за перепалкой. Вера побледнела, на скулах выступили два ярких пятна румянца. Григорий понял, что перегнул, но отступать было некуда.

– Ах, выскочка?... – голос её задрожал, но не от слёз, а от сдерживаемой ярости. – Ну, знаете...

Она резко развернулась, и её локоть задел ведро, стоявшее на краю кормушки. Ведро с грохотом опрокинулось, и Григорий не успел ничего сделать – на его брюки, рубашку и ботинки выплеснулась зловонная жижа из навоза и воды.

Вера замерла. Григорий замер. Ведро, сделав последний оборот, затихло у его ног.

– Это... это случайно, – пробормотала она, и уголки её губ предательски дрогнули.

– Случайно? – тихо переспросил Григорий, глядя на то, как по его штанине стекает коричневая капля.

И тут Вера не выдержала. Она прыснула. Сначала тихо, потом громче. А потом расхохоталась – звонко, до слёз, хватаясь за живот и уже не пытаясь сохранить приличия.

– Простите... – выдавила она сквозь смех. – Но вы бы видели своё лицо...

Григорий хотел разозлиться. Очень хотел. Но в этом смехе было что-то настолько заразительное, что он почувствовал, как его собственные губы растягиваются в глупой улыбке.

– Значит, так, – сказал он, стряхивая с рукава соломинку. – Война объявлена, Вера Павловна. И не надейтесь, что я это так оставлю.

– А я и не надеюсь, товарищ ветеринар, – она вытерла выступившие от смеха слёзы. – Но учитите, я здесь на своей территории. Местные за меня горой.

– Посмотрим, – хмыкнул он.

Вера развернулась и пошла к выходу, но у самых дверей обернулась:

– Кстати, душевая в дальнем конце коровника. И советую поторопиться, пока навоз не засох. А то чесаться будете до самой Москвы.

И, оставив его стоять посреди коровника, пропахшего навозом и разгромом, она исчезла в солнечном проёме двери.

Глава 4. Тишина и марки

Где-то далеко, за околицей, в последний раз ухнул двигатель трактора и смолк. Вечерняя тишина накрыла деревню, как тёплое одеяло. Только где-то за садом лениво гавкали собаки да тонко звенел комар, бьющийся о стекло окна.

Вера сидела за старым деревянным столом, поджав под себя одну ногу. В майке и лёгких шортах, с распущенными волосами, она чувствовала себя наконец-то дома – точнее, в той версии дома, которую сама себе выбрала. Сидушка стула неприятно впивалась в косточки, и девушка, поморщившись, приподнялась, стянула с кровати тощую подушку и подложила под себя.

– Вот так-то лучше, – пробормотала она себе под нос и снова склонилась над столом.

Перед ней лежал раскрытый блокнот в твёрдой обложке, потёртой по углам. Страницы были плотными, чуть желтоватыми, и каждая хранила свой маленький трофей. Марки. Вера осторожно, почти благоговейно, взяла в руки очередной конверт – письмо от мамы, пришедшее на прошлой неделе. Марка была простая, с изображением Спасской башни, но в коллекции не хватало именно такого номинала.

Она смочила ватку в блюде с тёплой водой и аккуратно приложила к уголку конверта. Ждать нужно было минуту-другую, пока клей размокнет. И в этой паузе, в этой вечерней тишине, мысли сами собой потекли вспять – туда, откуда всё началось.

Вологда. Кабинет распределения. Пыльный фикус на подоконнике и усталая женщина в очках, перебирающая бумажки.

– Значит так, Королёва Вера Павловна, – говорила она монотонно. – Есть место в Архангельской области. Совхоз «Красный луч». Условия хорошие, общежитие...

– Нет, – перебила Вера тогда. – Я хочу в «Светлый путь».

Женщина подняла на неё глаза поверх очков. Долго молчала.

– Это ж глушь, девочка. Ни тебе клуба, ни магазина приличного.

– Я знаю, – Вера стояла на своём, выпрямив спину и глядя прямо в глаза. – Я туда хочу.

– С чего вдруг? У тебя же диплом с отличием, ты любой совхоз выбрать можешь.

И тогда Вера соврала. Легко, гладко, глядя честными глазами. Про то, что климат подходит, что практику там проходила, что тётка двоюродная зовёт. На самом деле не было никакой тётки. Не было практики. Было только имя и старая фотография.

Бабушка Анна.

Мама никогда не говорила о ней. Вообще. Если Вера спрашивала – мама поджимала губы и переводила разговор на другое. словно никакой бабушки Анны никогда не существовало. Но однажды, роясь в старом комод, тринадцатилетняя Вера нашла конверт без обратного адреса. А в нём – фотографию. Женщина с той же линией подбородка и прямым носом, стояла у плетня и улыбалась. На обороте – выцветшие чернила: «Анна Королёва. Колхоз «Светлый путь». 1959 год».

Вера тогда ничего не сказала маме. Просто спрятала фотографию в свой блокнот для марок и начала ждать.

Она поступила в техникум не из большой мечты посвятить жизнь этому делу. Она выбрала зоотехнический факультет потому, что это был единственный способ попасть сюда – в колхоз, где жила и пропала её бабушка. Что случилось? Почему мама вычеркнула её из памяти? Почему ни одного письма, ни одной весточки?

Вера осторожно, пинцетом, подцепила размокшую марку и перенесла её на страницу блокнота. Разгладила уголки, прижала промокашкой. В коллекции появился новый экземпляр – красивый, ровный, без единого залома.

Она откинулась на спинку стула и посмотрела в открытое окно. Там догорал закат – нежно-розовый, с золотистыми подпалинами. Пахло свежескошенной травой и речной водой.

Где-то здесь, давным-давно, ходила по этой же земле Анна Королёва. Дышала этим же воздухом, смотрела на эти же закаты. А потом исчезла. И никто в колхозе пока что не обмолвился о ней ни словом. Старый Афанасьевич темнил. Доярки пожимали плечами. Бабка Пелагея и вовсе делала вид, что глуховата.

Но Вера не торопилась. Она умела ждать. Месяц прошёл – пройдёт и второй. Она разговаривает местных. Она узнает правду.

В дверь тихо постучали.

– Вера Павловна, спишь? – голос хозяйки дома, тёти Нюры, был виноватым. – Там этот... приезжий твой. Стоит у калитки, говорит, срочно.

Вера вздохнула и захлопнула блокнот. Приезжий. Ну конечно. Кто же ещё мог испортить такой прекрасный тихий вечер.

– Иду, – отозвалась она, натягивая сарафан.

Глава 5. Перемирие

У калитки, переминаясь с ноги на ногу, стоял Григорий. Вид у него был взъерошенный и какой-то потерянный – ничего общего с тем самоуверенным столичным пижоном, который требовал у неё дорогу.

– Ну? – Вера скрестила руки на груди. – Что за пожар? Корова заболела? Или курица снова на вас покушается?

Григорий пропустил издёвку мимо ушей. Он провёл ладонью по волосам, окончательно разрушив остатки аккуратной укладки.

– Зорька рожает, – сказал он коротко. – Я пытался подойти – она меня не подпускает. Уже два часа. Если не помочь, может потерять телёнка.

Вера почувствовала, как внутри что-то ёкнуло. Зорька была её любимицей – умная, ласковая корова с влажными глазами и кротким нравом. Первотелка. Первые роды – всегда риск.

– А вы что, не знаете, как принимать отёл? – спросила она, уже натягивая на ходу резиновые сапоги, стоявшие у крыльца. – Вас же в вашей столичной академии чему-то учили?

– Учили, – процедил он. – Но учебники не лягаются. И не смотрят на тебя так, будто ты враг народа.

Они быстро шли по тёмной улице. Где-то в домах зажигались окна, жёлтые квадраты света падали на пыльную дорогу. Вера искоса глянула на Григория – он шагал широко, размашисто, и на скулах его ходили желваки. Переживает, поняла она. Не за свою репутацию – за корову переживает.

– Послушайте, – Григорий вдруг остановился. – Я понимаю, мы... не очень поладили.

– Не очень? – Вера приподняла бровь. – Вы назвали меня выскочкой, а я вас облила навозом. По-моему, это классика вражды.

– Я предлагаю временное перемирие, – выпалил он. – Только на эти роды. Потом можете снова меня ненавидеть.

Вера помолчала. В лунном свете его лицо казалось другим – моложе, что ли. Исчезла эта дурацкая самоуверенность, остался просто парень, которому нужна помощь.

– Я вас не ненавижу, – сказала она тихо. – Просто вы жутко меня раздражаете. Но Зорька тут ни при чём. Пошли.

Они почти бегом добрались до коровника. В дальнем стойле, под тусклой лампочкой, тяжело дышала Зорька. Корова лежала на соломенной подстилке, бока её ходили ходуном, а в огромных глазах плескалась боль. Завидев Веру, она издала низкий, жалобный мык.

– Тихо, тихо, хорошая моя, – Вера опустилась рядом на колени, не обращая внимания на то, что подол одежды тут же намок. – Я здесь. Всё будет хорошо.

Зорька положила тяжёлую голову ей на колени и шумно выдохнула. Вера погладила её по лбу и быстро осмотрела ситуацию.

– Плод идёт неправильно, – сказала она, поворачиваясь к Григорию. – Нужно поправить. Рука у вас твёрдая? Сможете?

– Смогу, – он уже закатывал рукава. – Говорите, что делать.

Следующий час они работали молча, понимая друг друга с полувзгляда. Вера тихо разговаривала с Зорькой, гладила её, отвлекала, пока Григорий, стиснув зубы от напряжения, осторожно поправлял положение телёнка. Пот лился с него градом, рубашка прилипла к спине, но руки не дрожали.

– Давай, Зорюшка, ещё немного, – шептала Вера. – Ты сильная. Ты справишься.

И когда наконец раздался тонкий, неуверенный голос новорождённого телёнка, а Зорька, обессиленная, но живая, принялась вылизывать мокрый комочек, Вера и Григорий одновременно выдохнули.

Они сидели на грязной соломе, плечом к плечу, совершенно мокрые и уставшие. Григорий повернулся к ней. На его лице медленно расплывалась тёплая улыбка.

– Спасибо, – сказал он просто.

– Пожалуйста, – ответила она.

За окном коровника занимался рассвет – нежно-розовый, с золотистыми прожилками. Где-то запел первый петух.

– Перемирие продолжается? – спросил Григорий.

– До завтрака, – Вера усмехнулась. – А там посмотрим.

Глава 6. Разговор под орехом

Рассвет окончательно вступил в свои права, когда Вера и Григорий выбрались из коровника. Утреннее солнце, ещё не жаркое, а ласковое, заливало деревенскую улицу золотом. Воздух был прозрачным и звонким, пахло росой и дымком от печных труб.

Выглядели герои, прямо скажем, живописно. У Григория рубашка была расстёгнута до середины груди, открывая мокрую от пота футболку, волосы торчали в разные стороны, будто он только что подрался с ветряной мельницей. На щеке красовалась полоса засохшей соломы. Вера была не лучше: подол сарафана пропитался чем-то подозрительным, коса растрепалась, а под глазами залегли тени – всё-таки ночь без сна давала о себе знать.

Они брели по центральной улице, когда из-за поворота высыпала стайка школьников с удочками на плечах. Каникулы – благодать. Мальчишки о чём-то разговаривали, но, увидев странную пару, разом замолчали. Девочка в панамке, шедшая последней, испуганно ахнула и схватилась за руку старшего брата. Тот, конопатый паренёк лет двенадцати, выставил удочку вперёд, как пику.

– Здравсьте... – неуверенно протянул он.

– Доброе утро, юноши и девушки, – Григорий попытался придать лицу светское выражение, но вышло только хуже.

Дети шарахнулись в сторону, уступая им всю дорогу. Самая младшая, белобрысая кроха в ситцевом платьице, прошептала громким шёпотом:

– Баба Нюра говорила, тут городские приехали... Но не говорила, что их леший драл...

– Это не леший, – мрачно отозвалась Вера. – Это корова. Идите уже, рыбаки.

Школьники, не сговариваясь, побежали. Вера проводила их взглядом и неожиданно для самой себя фыркнула.

– Леший, – повторила она. – Слышите, Григорий? Кажется, мы с вами теперь местный фольклор.

– Ну хоть что-то я здесь оставлю после себя, – усмехнулся он.

Дом Афанасьевича встретил их запахом свежеиспечённого хлеба и самоварным дымком. Сам хозяин, сухонький старик в выцветшей косоворотке, сидел на лавке под старым развесистым орехом и щурился на утреннее солнце. Под деревом стоял грубо сколоченный, но крепкий стол, накрытый клеёнкой в цветочек. У ног Афанасьевича лежала крупная овчарка с умными карими глазами. Пёс не спал. Он внимательно, не мигая, смотрел на приближающихся гостей, и во взгляде его читалось явное подозрение.

– О, – дед оживился. – Явились, полуночники. А я уж думал, вы там вместе с Зорькой отелились.

– Почти, – Вера без церемоний опустила на лавку. – Афанасьевич, у вас умыться где? А то я детей пугаю.

– Вон рукомойник, – он махнул в сторону колодца. – А потом за стол. У меня яичница с салом, хлеб горячий, сметана. Нечего на голодный желудок сидеть.

Через десять минут они сидели втроём за столом под орехом. Утренняя прохлада ещё держалась в тени, и лёгкий ветерок шевелил широкие листья над головой. Овчарка, которую Афанасьевич назвал Рексом, перебралась поближе и теперь сидела в двух метрах, по-прежнему сверля гостей немигающим взглядом. Особенно доставалось Григорию – ему пёс явно не доверял.

– Не обращай внимания, – Афанасьевич подвинул гостю тарелку с яичницей. – Он всех городских так встречает. Пока не докажешь, что ты человек, будет пасти.

– И как доказать? – Григорий покосился на собаку.

– А я почём знаю? Мне он сразу поверил. Ты ешь давай.

Вера макнула хлеб в сметану и с наслаждением откусила. Усталость после бессонной ночи отступала медленно, уступая место приятной сонливости и покою. За столом было хорошо. Правильно.

– Григорий, – вдруг сказала она, глядя в свою тарелку, – а как вас вообще сюда занесло? В колхоз? Вы же столичный, с дипломом. Неужели в Москве работы не нашлось?

Он помолчал, размешивая сахар в чае. Афанасьевич деликатно отвернулся, делая вид, что его очень интересует полёт шмеля над кустом малины.

– Профессор мой попросил, – наконец сказал Григорий. – Пришёл и говорит: «Гриша, в одном колхозе коровы болеют. Ветеринара нет. Поезжай на месяц, выручай». А я пять лет как выпустился, держал связь с кафедрой... ну, по привычке.

– И вы согласились? – Вера подняла бровь. – Просто так? Из любви к профессору?

– Не только, – он вдруг смутился. – Я книгу пишу. Роман. О людях, о земле... И всё, что я написал, – это сухо, безжизненно. Понимаете? Как будто я сам в это не верю. А профессор сказал: «Поезжай, окупись в настоящую жизнь. Тогда и книга оживёт».

Повисла тишина. Даже Рекс, кажется, заинтересовался и склонил голову набок. Вера медленно отложила ложку.

– Так вы... писатель? – спросила она, и в голосе её прозвучало что-то новое. Не насмешка – удивление.

– Пытаюсь быть, – поправил Григорий. – Пока только пытаюсь.

Вера откинулась на спинку лавки и внимательно на него посмотрела. Под лохматой чёлкой, заляпанной соломой, угадывался всё-таки не просто «столичный пижон». Там, в глубине серых глаз, пряталось что-то ещё – упрямство, сомнение, может быть, даже страх. Это было неожиданно. И почему-то приятно.

– Ну что ж, – она снова взялась за ложку. – Тогда, может, и про меня напишете? Сделайте героиню – вредную девушку с отвратительным характером.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.